

С.А. Королевич, БрГУ имени А.С. Пушкина

ЯЗЫКОВАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И ЕЁ ПРИРОДА В ТЕКСТАХ «БЕЛОРСКИХ ХРОНИК» О. ГРОМЫКО

Понятие «креативность» характеризует механизмы творческого мышления как процесса, позволяющего создавать нечто новое, не имевшее места в прежнем опыте человека. В настоящее время этот термин широко применяется для характеристики разных видов человеческой деятельности, требующей для своего осуществления неординарных, нестандартных решений.

В современной массовой литературе лингвокреативное мышление находит выразительное проявление у авторов, работающих в жанре фэнтези или иронической повести. Своеобразным учебным пособием, иллюстрирующим креативную функцию языка, на наш взгляд, могут служить произведения Ольги Громыко. Она пишет в жанре фэнтези, что объективно предполагает создание и обозначение в тексте вымышленных миров с определенными пространственно-временными координатами, персонажами, реалиями. Кроме этого, известность О. Громыко в существенной мере обусловлена жанром юмористической фэнтези, основана на неистощимом остроумии, что неотделимо от языковой игры. Наконец, несомненно талантливая как писатель и языковая личность, О. Громыко всё же работает в условиях рынка как «ремесленник», а это обуславливает необычайно высокую активность её лингвокреативности (в итоге поклонники называют ее книги «уморительная фэнтези»).

Творчество О. Громыко ориентировано на особенности и запросы современного массового читателя, для которого книга, как правило, должна быть средством релаксации и развлечения. Социологи установили, что в наши дни чтение носит преимущественно или прагматический характер (чтение «для дела») или компенсаторный (чтение «легкой литературы»). При этом наиболее популярной причиной обращения читателей к книгам, по данным социологических опросов, выступает получение удовольствия от чтения (70%); среди иных причин показательны способ проведения досуга (48%) и возможность отвлечься от проблем (29%) [3].

«Белорские хроники» О. Громыко, из которых взят материал для наблюдений, включают прежде всего романы о ведьме Вольхе Редной: «Профессия: ведьма», «Ведьма-хранительница», «Верховная Ведьма» – М. : Армада: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2003 г. (при отсылке к названным текстам в статье используются сокращенные обозначения П, Х, В соответственно; указания на страницы текста приводятся в круглых скобках). Эти произведения как нельзя лучше соответствуют читательским пристрастиям в аспекте не только компенсаторной функции, но и жанровых предпочтений, так как включают элементы детектива, а также исторического и приключенческого романов. При

этом в «Белорских хрониках» осознанное языковое творчество предстает как характерная неотъемлемая черта идиостиля О. Громько.

В качестве основных критериев креативности современные лингвисты выделяют способность автора порождать идеи, отмеченные множественностью, разнообразием и оригинальностью (нестандартностью формы). Как свидетельствует выявленный эмпирический материал, лингвокреативная деятельность О. Громько в полной мере соответствует этим критериям.

Во-первых, в текстах «Белорских хроник» необычайно богат состав созданных или привлеченных автором языковых единиц, номинирующих реалии вымышленного пространства. Это личные номинации: *дайн, эльфийка, вампиреньиш, валдак, магичка, некромант, некромантка*; номинации представителей животного мира и нежити: *буротавр, крысолак, мантихора, расквыра, мраскан, жмырь, заглот, тинник большой, хохотун болотный*; антропонимы: *Вольха, Велена, Орсана, Лён, Ксан, Важек, Темар* и др.; топонимы: *Витяг, Стармин, Камнедержец, Топлые Реды, Черноотравная Куца* и др.; названия месяцев: *сеностав, опадень, страдень* и др.; праздников: *кладоцветень, праздник Последнего Колоса, Бабожник, Весночухи*; денежных единиц: *менка, кладень, серебришка* и др.; номинации учебных предметов в Школе Магов, Пифий и Травниц: *вампиrowедение, драконология, неестествоведение, регенерология, некромантия* и мн. др.

Во-вторых, языковое творчество Громько находит проявление на разных уровнях языковой системы – не только в лексике, но и во фразеологии, графике, фонетике, словообразовании. Так, в придуманном автором мире Белории и сопредельных государств отсутствуют черти, но полно другой нечисти, поэтому узуальные фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *черт* обретают иной вид: *кой леший занес* (П, 263); *леший бы его побрал* (П, 8); *ведьмина дюжина* (П, 53); *показать лешеву мать* (В, 213). Автор конструирует и другие обороты по образцу существующих ФЕ: *Я представила себя верхом на пузатой кляче, в темпе пахоты бредущей по редколесью* (В, 248) – (сравн.: *в темпе вальса*); *Умертвие знало Вороньи Когти [замок – С.К] как свои две сотни костей* (В, 29) (сравн.: *как свои пять пальцев*). Мир, созданный автором, живет по принципам, которые воплощены в пословицах, новых по словесному наполнению, но вполне узнаваемых: *Каков дайн – таков и храм* (В, 7) – *дайн* ‘священнослужитель’; *На Фендюлия надейся, а сам не плошай* (В, 42) – *Фендюлий* ‘святой’ и др. Выразительный потенциал фонетических средств автор воплощает в языке троллей, виртуозно komponуя из несочетаемых звуков бранные оценочные номинации лиц (*хвыбник, мздрюк, лабарр, махабр, забдрыга, вагури*), ситуаций (*здрыба тхая* ‘куча навоза’) и т. п. Задействован даже графический уровень: например, вампиры говорят на древнем языке «алладаре», и писатель использует для его передачи латиницу. Слова из «алладара», функционирующие в тексте как экзотизмы, имеют специфическое

написание: *к'яард* (X, 335), *тха'арши* (В, 343). Творчески использованы автором словообразовательные ресурсы языка, например, при создании личных номинаций: *дракоборец, драконьер, драконосек* и мн. др.

Наконец, нестандартность авторского выражения ярко представлена в разного рода эвфемизмах или иносказаниях, сравнениях, трансформированных штампах, стилистическом контрасте. Так, вместо выражения *послать к черту* читаем: *С трудом удержалась от соблазна подробно объяснить Травнице, где живет леший и как он по ней соскучился* (X, 113); вместо *превратить людей в камни* (на это способен василиск) находим: *благоустроить площадь живописными скульптурными композициями* (В, 214); вместо *непрестанно кричать от испуга* – *Детина прилежно изображал монотонный охотничий рог, прерываясь только для вдоха* (В, 148) и т.п.

Совершенно неожиданным и оттого особенно выразительным у Громыко является сравнение разных по стилистике субъекта и объекта: *Призрачный туман размывал истинные очертания Догевы, как фата – слишком длинный нос новобрачной* (П, 213); *Потрясенные рыцари ... лобызали священную реликвию, сыня обетами, как сушеным горохом из худого мешка* (В, 65); *Лица вытянулись, как онучи после стирки* (П, 26) и др.

Новые формы и смыслы в текстах О. Громыко обретают языковые штампы и клише: *Бракозаводный процесс* (В, 383); *Новый всплеск стеновательной активности* (В, 386); *вести со свадебных фронтов* (В, 388). Автор активно использует смешение стилей с целью создания комического эффекта, например: *Я буду странствовать, творя добро, искореняя зло* (книжн.) *и смываясь* (простор.) *прежде, чем поднимется шумиха* (разг.) (П, 349).

Анализируя механизмы лингвокреативного мышления, исследователи указывают на их ассоциативную природу: говорящий использует для создания новой лингвистической «реальности» элементы уже имеющегося опыта [2, с. 5]. Природа языкового творчества О. Громыко именно такова, автор открыто декларирует мысль о создании нового на основе уже существующего в так называемой «Оде плагиату» [1], назвав её пособием для начинающих «братьев по чужому разуму». Ольга Громыко утверждает, что «плагиат, состряпанный знатоком своего дела, достоин всяческой похвалы», что если автор искусно владеет приёмами обыгрывания чужого текста, то это «искусство, а не кража со взломом».

О. Громыко маскирует обычные тексты действительно искусно, используя разные приёмы языковой игры. Примером такой маскировки может служить диалог адептов Темара и Вольхи перед экзаменом:

– ... *Готова ли ты к героическим подвигам и великим свершениям? Увечены ли для потомков бесценные крупницы совершенного знания, готова ли ты одарить ими страждущих или, ослепленная гордыней, откажешься протянуть руку помощи сирым и убогим?*

– Ты имеешь в виду – как у меня с подготовкой к экзамену, написала ли я *шпаргалки* и буду ли тебе подсказывать, когда ты начнешь *тонуть*?

– Ясновидящая... уважительно вздохнул *Темар* (X, 24)

Особенно выразительна ассоциативная природа словотворчества Ольги Громыко в создании ономастикона «Белорских хроник». В основу вымышленных топонимов и антропонимов положены собственные ассоциации автора к онима́м, имеющимся в общем культурном фонде восточных славян. Так, страна **Белория** – это *Беларусь* (где живёт и работает автор), **Винесса** – *Винница* (в этом украинском городе родилась Громыко); **Стармин** – (старый) *Минск*, **Витяг** – *Витебск*; **Чернотравная куца** – *Беловежская пуца*, **Марына Падь** – *Марына Горка*. То же можно сказать об именах: ведьма **Вольха** – *Ольга*; винничанка **Орсана** – *Оксана* и др. Номинации реалий фантастического мира конструируются аналогично: в основу названий месяцев в Белории положены ассоциации к старым восточнославянским номинациям, которые были мотивированы обозначениями сельскохозяйственных работ (сравн.: *сеностав*, *страдень* – *жнивень*) или природных явлений (*травород*, *колосень*, *вересклет*, *опадень* – *вересень*, *листопад*, *травень*). Достаточно выразительна мотивация названий праздников, упоминаемых в тексте: *кладоцветень* – это Купалье, когда, по славянским преданиям, зацветает папоротник, указывающий на место захоронения кладов; *праздник Последнего Колоса* – то же, что и дожинки. В своем словотворчестве Ольга Громыко апеллирует и к языковым образам народных сказок, сравним выражения *куртка-непробивайка* и *итаны-самостои* (П, 160), обозначающие извалянную в грязи и высохшую одежду, и названия сказочных артефактов *шапка-невидимка* и *сапоги-скороходы*. Отмеченные ассоциации определяют, на наш взгляд, отнесенность «Белорских хроник» к славянской фэнтези.

Отчетливые связи внутренней формы придуманных слов с формой существующих обозначений обнаруживаются в номинациях денежных единиц (*менка* – разменная монета; *серебрушка* – серебряная монета; название золотой монеты *кладень* ассоциируется со словом *клад*); в обозначениях учебных дисциплин, изучаемых в Школе магов: *вампиrowедение*, *неестествоведение* – сравн.: *языковедение*; *регенерология*, *драконология* – *биология* и др.

Наиболее характерной чертой лингвокреативной деятельности Громыко является обыгрывание узуальных ФЕ. Часто можно отметить реконструкцию внутренней формы фразеологизмов: *Я быстро просчитала в уме перспективы*. *Блестели* они что-то не очень (В, 343) – сравн.: *блестящие перспективы*; *Холодный презвый ум ... когда же это он успел нагреться и выпить* (X, 118); *Держать оборону здесь было одно удовольствие*; *жаль, что враги ни разу его не доставили*... (В, 21) – сравн.: *доставить удовольствие*.

Характерной чертой современной массовой литературы является привлечение интертекста. Ольга Громыко тоже использует трансформированные

интертекстуальные вкрапления: *А был ли Фендюлий?* (В, 46); *Чего тебе, юный фендюлинец?* (В, 73).

Очевидно, автор целенаправленно изучала приёмы языковой игры, поскольку в «Белорских хрониках» они необычайно многообразны. Здесь отмечены каламбуры, основанные на синонимических сближениях: *Лица и морды присутствующих просияли и с надеждой обратились к Лёну* (П, 138); «*Чем ты ему так насолила?*» – «*Не знаю. Но если поймаю, еще и наперчу!*» (В, 202–203); антонимических, порождающих оксюморон: *Стражники, бдительно дремлющие...* (П, 10); паронимических: *Духовитый духовищинский дракон* (В, 197); омонимических: *На свежем воздухе воздух портит* (В, 108); – *Не уходите от ответа. – Я вообще ухожу* (П, 77); *Здравствуй, красна девица!... Ох, до чего же ты красна!* (Х, 22); *Приветливо жуужжавшие слепни так и норовили продегустировать мое аппетитно вспотевшее тело (тело категорически возражало, ругаясь и отмахиваясь)* (В, 119) и др. Зафиксирован даже пример энантиосемии: «*Как ты думаешь – они отойдут* (о цветах) ?» – «*Полевые цветы живучи*». И далее: *Цветы, кстати, отошли. В другой, лучший мир* (П, 119–120).

Комический эффект возникает из-за сближения смежных понятий: *На завтрак хлебосольный Фендюлий ниспослал собственно хлеб и соль* (В, 38); *Чихнул на хвори* (В, 107); преднамеренной тавтологии: *Официальность неофициального уровня угнетала* (П, 50); *Корова облегченно облегчилась* (П, 138) и мн. др.

Творчество Ольги Громько, несомненно, демонстрирует неотъемлемую сторону лингвокреативной деятельности – эвристичность, что обуславливает множественные варианты реализации ассоциативной валентности языковых знаков. В упомянутой «Оде к плагиату» О. Громько, обращаясь к молодым писателям, желающим «пожинать лавры с гибридной нивы плагиата», иронически называет себя «профессиональным жнецом», что, на наш взгляд, вполне справедливо. Благодаря неустанным творческим исканиям и находкам О. Громько, её тексты и обретают привлекательность для массового читателя, который оказывается вовлеченным в занимательную игру по выявлению авторских ассоциаций и, проникая в их природу, может радоваться неожиданным языковым образам.

Список использованной литературы

1. Громько, О. Н. Ода плагиату / О. Н. Громько. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : e-libra.su/read/204468-oda-plagiatu.html. – Дата доступа : 22.12.2018.
2. Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – 369 с.
3. Литературные предпочтения россиян – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://iom.anketolog.ru/2016/09/06/literaturnye-predpochteniya>. – Дата доступа : 05.02.2018.